

Татьяна КАРЕЛИНА

ДЕТСТВО ЗА СТЕКЛЯННОЙ ДВЕРЬЮ

ДЕЛО-ТО СОВСЕМ НЕ В ШЛЯПЕ

Утро накрыло спящего Мишку огромной лапой солнца, которая, выпутывая ресницы из сонной пелены, упрямо раздвигала веки и открывала путь в голубую бездну глаз, – свету радостного утра.

Мальчик протер кулаками глаза, потянулся, кряхтя и извиваясь на белой взбившейся за ночь простыне, резко поднял вверх обе ноги и махом уселся на край дивана.

– Таня, вставай! Уже половина девятого – выпалил Мишка, и побежал через огород в свой излюбленный «кабинет задумчивости» с множеством старых газет, остерегаясь, что кто-то займёт его раньше.

– Есть время ещё немного поспать, пока брат будет восседать на «троне», – подумала я и глубже зарылась в пуховое одеяло.

Но сон уже покинул меня, заскрипела подо мной старенькая деревянная раскладушка, обтянутая заплатанным в нескольких местах брезентом, и я встала босыми ногами на прохладную, глянцевою половицу выкрашенного коричневой краской пола. Мне очень хотелось летом жить здесь, на даче в Издревой, но дача была не наша, а дяди Пети – отца Оли и Миши, поэтому я была здесь только гостьей.

День обещал быть жарким.

Бабушка с дедушкой были где-то в огороде – оттуда доносились их негромкие голоса, а Оля, младшая сестрёнка, любившая повторять: «Таня, ты

моя самая родная двоюродная сестрёнка», сидела в грядках виктории и собирала ягоду к завтраку.

– Скоро подойдут мама с папой, электричка уже пришла...

От электрички было минут десять ходьбы, так что, вот-вот их лица уже появятся на фоне яблоневой кроны над калиткой.

Я быстро собрала раскладушку, умылась и стала заплетать косы, когда услышала восторженный голос Оли: «Ура, дядя Ваня с тётей Валей приехали!» Даже Мишка прервал своё восседание и вышел к гостям, широко улыбаясь.

Такие моменты всегда были праздниками для всех, а особенно для Оли. Её дядя Ваня всегда брал с собой рыбачить с лодки, а нам с Мишкой снова предстояло копать червей для них за долгоиграющие обещания сводить нас в цирк.

За завтраком разговоров было много, но пока старшие беседовали, а Оля допивала своё молоко с ягодой, мы уже приступили к не совсем приятной повинности. Черви под дёрном травы, обильно политым отхожей водой от мытья посуды, были отменными. Набрать консервную банку червей – пятиминутное дело.

– Тань, а давай мы их напугаем?

– Кого?

– Да рыбаков наших.

– Давай. А как?

– Пойдём, попьём молочка, да и придумаем.

Папа был доволен, что червей в банке много. Он всякий раз проверял те-

перь нашу работу после того, как мы однажды отправили его на рыбалку с одним червяком в банке. Это от обиды было. Мы стараемся, стараемся, а рыбачить выпадает только Оле за то, что мы – непоседы, а она сидит тихо и рыбу не распугивает.

Мы, конечно, и без них можем с берега порыбачить, но с лодки-то куда интереснее. Верно?

Провинились мы перед бабушкой, вот он нам лодку и не давал.

А случилось это в прошлую среду.

Бабушка с Олей поехали в город за продуктами, а мы остались с бабушкой. Отпросились на речку, взяли лодку, встали на якорь на самой стремнине и опрокинули лодку вверх дном. Под лодкой воздух, а дна под нами нет. Поднырнули мы под лодку и там всякие истории друг другу рассказывали, забыв про время и про то, что нам бабушка велел через час дома быть. Здорово там было, даже голоса наши гулко звучали, глубина не пугала, да и течение совсем не ощущалось. Время прошмыгнуло мгновенно, мы и не заметили этих двух с половиной часов.

Вынырнула я из-под лодки, на берег глянула, а там бабушка по берегу мечется, не знает, что делать. Многих даже взрослых Иня, так называется река, навсегда унесла, а тут: наша лодка вверх дном и нас нигде нет. Что думать? Плавать-то он не умел. Я – назад, к Мишке. Говорю: попадёт нам. Вынырнули мы, кричим:

– Деда, мы тут!

Присел он на корточки, помолчал немного, потом схватил прут с песка, встал в полный рост и, грозя прутом, закричал:

– Марш, марш домой, паршивцы! Я вот сейчас вас прутом-то отхожу обоих!

Таким бабушку мы никогда не видели.

Перевернули мы лодку, а в неё воды зачерпнулось много. Пока воду вычерпывали пригоршнями, пока догребли до берега против течения и приковали лодку к причалу – бабушка уже остыл и, конечно же, нас даже пальцем не тронул. Он только молча взял ключи и приказал следовать за ним домой. Конечно же, мы позже провинились, были прощены, но лодку всё же нам больше не доверяли.

Ну ладно, что-то я отвлеклась слишком.

Так вот. Пока мы отмывали руки под умывальником, наши рыбаки уже ушли. Выпили мы молоко со свежей виктори-

ей и сахаром и отправились с бабушкиного разрешения на речку купаться. От дачи до речки добежать минуты за две можно было. Тропинка виляла по черёмухово-тальниковым зарослям. На бегу я не заметила, как наступила на большую, лохматую красно-бордовую гусеницу, ужасный запах от которой, казалось, разносился на три версты вокруг.

– Скорей в воду – крикнул Мишка – а то я с ума сойду от этой вони! Ух и запах противный. Угораздило же тебя.

– Да не кричи ты, я и сама не могу уже дышать.

Мы стрелой промчали согру и с разбега бросились в реку головой вниз. Мерзкий запах исчез мгновенно, и в воде мы спокойно стали обдумывать свой план возмездия.

– Давай переплывём протоку, пройдем на ту сторону острова, а там нырком до лодки и вынырнем перед самыми удочками – предложил Мишка.

– А что, здорово! Вот напугаются от неожиданности! Давай!

Так мы и сделали.

Попасть на остров со стороны протоки было трудно. Глубина реки у самого берега заставила карабкаться по скользким оголённым подводным корням прибрежного кустарника. Сам остров оказался настоящей заросшим растительностью, что пройти по его тесно сплетённым ветвям, вздыбленным корням, спутанным, колючим травам, по крапиве, через паутину, сквозь полчища растревоженных комаров и мошек в купальных костюмах и босиком было совсем не просто. Спотыкаясь на каждом шагу и вскрикивая от крапивных ожогов и уколов колючек, проклиная уже эту нашу затею, мы всё же пробирались вперёд. Мысль о возмездии давно сменилась нестерпимым желанием выбраться из этого ада.

К воде мы вышли исцарапанные и грязные, но не побеждённые. Возвращаться прежним путём не было ни сил, ни желания.

Берег был песчаным, полого спускающимся в прозрачную воду, манящую своей чистотой и прохладой. Только вода могла спасти от назойливых москитов, которые не отставали от нас ни на шаг. Лодки за камышами не было видно, но по периодически вспрыгивающему концу удилица над зарослями мы определили направление своего дальнейшего движения и бросились в воду, не соблюдая тишины, потому, что пугать кого-то нам уже совсем расхо-

телось.

* * *

Но наше появление перед лодкой оказалось всё равно неожиданностью.

– Ой, дядя Ваня, не ругай. Знаешь, как мы устали? – умоляюще вымолвил Миша.

– Ладно уж, залезайте, – сердито пробурчал папа, и мы тут же забрались в лодку с разных бортов.

Муть, поднятая нами в воде, стала оседать, вода становилась прозрачной, и снова было видно, как из камышовых зарослей не песчаную полянку выплывали пескаринные стайки. Тупорылые пескаррики здесь звались «киванами» за их сравнительно крупные размеры, и две сковороды таких великанов на «жарёху» были обязательным папиным уловом. Но не в этот раз...

Дождавшись, когда осядет муть, папа достал червя из банки, нанизал его на крючок, плюнул и, не успев взять в руки удилище, обомлел: мы все трое вместе с Ольгой прыгнули в воду и окатили его брызгами с головы до ног. Тишина метнулась в сторону от обильного извержения неприличного слэнга, метящего ныне попасть в авангард русского фольклора.

Мы шумели и брызгались, звали и его окунуться. Но он наотрез отказался, однако возмущаться перестал. Тем и хорош был мой отец, что сердиться долго не умел.

– Прекратите брызгаться, сигареты намочите, – сказал он и закурил.

Мы немного поплавали и снова залезли в лодку.

– Дядя Ваня, поехали домой, – заёрзав, попросил Мишка.

Мы с Олей тоже его поддержали – и папа согласился. Он прекрасно понимал, что с этой компанией про рыбалку можно забыть.

– Садитесь на вёсла и гребите сами, – сказал он спокойно и пересел на корму, которая под его внушительным весом сразу просела глубже в воду, а нос, где устроилась Оля, клювом выскочил из воды. Корма была довольно широкая, на ней свободно помещались и папа, и консервная банка с червями, и соломенная шляпа с широкими полями вниз тульёй, которая служила местом хранения и переноса на голове пачки с сигаретами и коробка спичек на случай передвижения вплавь или вброд, да и просто пешком.

Вдвоём на вёслах против течения реки выгребать было трудновато, но нужно было обогнуть остров, а там спу-

ститься по протоке к месту причала. Уж кому-кому, а нам с Мишкой это было не впервой. Причалив, мы втроем выскочили из лодки и стали, ничего не подзревая, подтягивать её повыше на берег. Тут-то и произошло то, чего мы и представить себе не могли: корма лодки ушла под воду, и папа оказался в воде по грудь. Рядом плавали сигареты, шляпа, спичечный коробок и розовые черви из банки.

На совершенно обалделом папином лице округлялись глаза, открывался и закрывался рот, губы производили беззвучные движения, а рука машинально тянула из воды шляпу с сигаретами. Он тянул её за поля, а тулья вытягивалась под тяжестью воды, и шляпа превращалась в длинный колпак с полями. Нас трясло от смеха.

На какое-то время зависла тишина, но потом от папиного негодования содрогался весь берег. Мы разбежались по прибрежным кустам и ждали, когда он успокоится. Под горячую руку попавший – себе дорожке. Постепенно всё стихло. Когда мы с Мишей вышли из укрытия, на берегу у опрокинутой лодки сидел папа, и рядом подсыхали на солнце разложенные поштучно сигареты, спички и шляпа.

А вечером я случайно подслушала, как Оля рассказывала дружку своему Борьке, жившему на соседней даче:

– Услышали люди добрые такие хорошие дяди – Ванины слова, пришли и вытянули лодку на берег.

Вот таким запомнился мне один из счастливых дней моего детства. А шляпа даже в видоизменённом состоянии так и оставалась верным папиным спутником ещё много лет. Но ведь дело-то совсем не в шляпе, правда?

ДЕТСТВО ЗА СТЕКЛЯННОЙ ДВЕРЬЮ

За стеклянной дверью палаты горел свет. Страшно хотелось пить, но крикнуть сестру нельзя, в палате спали дети. Сон, напуганный событиями прошедшего дня и неодолимой жаждой, не мог прийти на помощь Валюшке. Предстояло ещё долго терпеть, ночь только началась.

Мысли мелькали одна за другой, и только одна частила, не давая покоя: пить, пить! Воды!

События дня очень огорчали девочку, хотя они были уже в прошлом. С утра всё шло своим чередом: подъём, горшки, градусники, умыва-

ние, завтрак. Потом принесли игрушки и стали раздавать каждому ребёнку по одной. Валюшке досталась заводная металлическая каруселька с ключиком.

Палата была большая, кровати на десять, а то и больше. Считать она не умела, возраст не позволял, а родителей туда никогда не допускали.

Была выделена определённая комната свиданий, куда вывозили ребёнка на кровати, а родители могли на него смотреть только через стеклянную дверь. Правда, стекло в двери было прозрачным, а не как в палате – матовым.

Первое время Валюшка сильно плакала, звала маму, но постепенно она стала отвыкать и уже на свиданиях молча отворачивала личико от двери. Теперь плакать продолжали только родители, которые приезжали к ней на протяжении этих лет каждую среду и воскресенье.

Прошло уже два года с той поры, когда её, двухлетнюю девчущку, привезли сюда, загипсовали от подмышек до пяточек и примотали к кровати поверх одеяла широким льняным поясом. Компания ребятшек в её палате была дошкольная, разнополая и разновозрастная, где Валюшка была самой младшенькой. В этой больнице лечили годами покоем и хорошим питанием детей с костным туберкулёзом суставов ног, рук и позвоночника, и только позже появились необходимые лекарства.

У Валюшки так болела ножка в бедре, что она улыбаться стала только сейчас.

Самой отвратительной процедурой был утренний приём рыбьего жира. Его медсёстры по столовой ложке вливали силой в рот ребёнка и заставляли глотать. У многих ребят после этого была такая рвота, что они даже отказывались завтракать. Позже стали давать к рыбьему жиру маленький кубик солёного ржаного хлеба. Это была хорошая придумка.

А сейчас жажда страшная, невыносимая убивала терпение. Слипшиеся густой, вязкой слюной губы еле разлипались, выпуская из уст не то стон, не то шёпот: «Пить!»

В палату вошла на цыпочках нянечка. Валюшка застонала, и та быстро проскользнула по палате к её кровати:

– Что с тобой, доченька?

– Пить!

Нянечка бросилась к двери и тут же принесла стакан воды. Она приподняла Валюшкину головку рукой и поднес-

ла стакан. Дрожащие ручки обхватили стакан, и девочка залпом выпила воду.

– Сырочка Зыряновна, я люблю тебя, – промолвила девочка, прижала нянину руку к губам и стала целовать как что-то очень дорогое.

– Валюшка, да что ты? Что случилось, хорошая моя?

– Я тебя так ждала, я думала, что умру, так пить хотелось. Ты мне ещё водички дашь?

– Дам, дам, не плачь.

Девочка и смеялась, и плакала от обиды. Ей весь день не давали есть и пить, в наказание за сломанную игрушку.

– Я не ломала её, она сама упала и погнулась. Я её не ломала, – шептала Валюшка, и слёзы обиды катились по её щёчкам.

Женщина прижала её к себе, целовала в мокрое лицо, лобик, остриженную головку, гладила и приговаривала:

– Я верю тебе, доченька, верю. Ты хорошая, я знаю.

– Когда я выздоровлю, ты возьмёшь меня к себе?

– Возьму, возьму. Мы с тобой и мамой твоей ко мне в гости поедем. Ты кушать хочешь?

– Нет, я только ещё пить хочу.

– Сейчас я принесу тебе ещё водички.

Сыра Зыряновна тихо вышла из палаты и прикрыла за собой дверь. В коридоре было тихо, не было слышно её шагов.

Валюшка прислушивалась, но так и не уловила никаких звуков, когда открылась дверь и в палате появилась Сыра Зыряновна. Это имя для Валюшки было равносильно слову «мама», хотя именно слово «мама» стало здесь каким-то далёким, абстрактным и не таким уж тёплым.

Нянечка подплыла к кровати и протянула Валюшке бутерброд с котлеткой и стакан воды. Девчущка залпом опорожнила стакан и откусила котлетку. Внутренняя дрожь стала проходить. Рука нянечки была худенькой, но мягкой и тёплой. Валюшка положила голову на её ладонь и вскоре, не успев доест котлетку, заснула.

Утро началось так же, как и много, много других утр: термометры, уколы, горшки, водные процедуры и так далее. Сыра Зыряновна после умывания вынула из кармана конфетку и сунула Валюшке под подушку.

– Возьмёшь после завтрака, – с притворной строгостью погрозила она

пальцем, – я приду завтра утром. Пока!

Валюшка грустно улыбнулась и махнула ей рукой. Она уже привыкла к тому, что нянечки, как и сёстры, работают по сменам.

А днём на обходе лечащий врач Михаил Григорьевич сказал, что сегодня Валюшке и ещё двум ребятам из палаты будут менять гипс.

Смена гипса – не очень приятная процедура, но в тот момент, когда его снимут, а новый ещё не успеют наложить, тело становится лёгким, как пушок, и дышит свободно-свободно.

Можно даже почесать те места, которые в гипсе не достанешь. И ещё для Валюшки было радостно, что пятка, на которой образовался пролежень в гипсе, немного отдохнёт, и её полечат.

Лежать на столе, обитом железом, было прохладно и даже очень.

– Как же Борька-начальник пролежал недавно целых полдня на таком столе в наказание за то, что он на спор выпил из баночки всю свою мочу? Ему же было очень холодно, – думала Валюшка, – не даром, когда пришла вечерняя смена, его принесли в палату в чьём-то коричневом тёплом свитере. Ей стало жалко Борьку.

Борька – это сосед Валюшкин по палате. С одной стороны стоит кровать Вали Ветошкиной, а с другой – Борькина. У них болят позвоночники, поэтому они лежат в гипсовых кроватках. Вале вообще нельзя даже садиться, она лежит только на спине.

А Борька – худенький, смуглый, очень шустрый мальчик – не мог всё время лежать.

– Он сядет на кровать, сдвинет в сторону свою гипсовую кроватку и начинает командовать на всю палату. За это его и прозвали начальником, – рассказывала Валюшка новой медсестричке.

Борька слушал её рассказ и гордо улыбался из-под своей простыни черными глазками-буравчиками. Валюшке казалось, что он умеет вращать глазами в разные стороны одновременно: одним глазом – по часовой стрелке, а вторым – против.

А однажды был такой случай. Раз в неделю детям позволяли пускать мыльные пузыри. Приносили мисочки с водой и четвертинку чёрного хозяйственного мыла каждому. Трубочки сворачивали медсёстры из газет, и палата была занята примерно на час-два. А на этот раз вместо хозяйственного мыла впервые выдали розовое, земляничное. Запах его покорила всю палату. Вот Борька и предложил ребятам съесть всё

мыло. Не помню, чем закончилось всё это, но только дети этой палаты больше никогда мыльных пузырей уже не пускали.

За четыре с половиной года жизни в этом санатории много разного произошло. Приближался срок Валюшкиной выписки.

С неё сняли гипс, в котором она чувствовала себя вполне уверенно. Без гипса страшно было даже пошевелиться в кровати, а сёстры и нянечки заставляли то приподниматься на судно, то поворачиваться на бока. Тело было таким лёгким, что, казалось, вот-вот упадёшь. Крепко вцепляясь и в руки стоящего рядом человека, будь то врач, сестра или нянечка, и в край кровати, Валюшка выполняла их команды с широко раскрытыми от страха глазами. Ей было уже шесть с половиной лет, а ходить она за годы болезни разучилась совсем. Когда её пытались ставить на ноги, предварительно зашнуровав на её нежном детском тельце жёсткий, колючий тунор, заменяющий гипс, она буквально через минуту уже кричала:

– Устала! Устала, ножки устали там, внизу!

Её тут же укладывали в постель и снимали тунор. Врачи знали, что уставали действительно голеностопные суставы, они привыкли быть в вытянутом состоянии.

Валюшке сказали, что выпишут её только тогда, когда она сможет простоять на ножках не менее пяти минут, и она, лёжа, упрямо тренировала суставы, поднимая вверх стопы.

Через недельку ножки стали привыкать, и уже стоять на них было не так мучительно. Зато стоя, опираясь на костыли, она могла разглядеть лица ребят с дальних коек. Знала она их только по именам и голосам, а теперь и по лицам.

И вот наступил день выписки. Валюшку одели в незнакомую и непривычную одежду,

Зашнуровали на ногах коричневые кожаные ботиночки и вынесли в коридор на первый этаж к маме и папе. Провожали её все дежурившие тогда сестры и нянечки. Не было только Сыры Зыряновны... Почему-то. Даже Михаил Григорьевич вышел проститься.

Папа взял Валюшку на руки, она махнула всем рукой, и они сели в троллейбус.

Машина сразу поехала, оставив весь Валюшкин прошлый закрытый мир навсегда позади.